

Е. Д. Лукьянчиков

*профессор кафедры информационного права
и прав интеллектуальной собственности*

*Национального технического университета Украины
«Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского»,
доктор юридических наук, профессор*

В. Е. Лукьянчикова

*научный сотрудник Государственного
научно-исследовательского института МВД Украины*

О ДОПУСТИМОСТИ ПРИЕМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Основным инструментарием деятельности по раскрытию и расследованию преступлений являются следственные действия. Под ними понимают предусмотренную процессуальным законом и обеспеченную государственным принуждением совокупность операций и приёмов, которые применяются в процессе расследования преступлений для выявления, фиксации и проверки фактических данных, которые имеют доказательственное значение по делу [1].

Результативность следственных действий зависит от многих факторов, но в первую очередь — от умелого использования тактических приёмов, основу которых составляют современные достижения различных отраслей знаний. Поскольку следственные действия рассматривают как процесс общения следователя с его участниками, важное место среди тактических приёмов принадлежит тем, которые основаны на достижениях науки психологии. В этой связи подробнее остановимся на вопросах установления психологического контакта и психологического воздействия при производстве следственных действий.

Установление психологического контакта рассматривается как целенаправленная деятельность следователя по созданию наиболее благоприятной обстановки общения в процессе производства следственного действия. Это достигается умелым применением системы тактических приёмов.

Возможность установления психологического контакта зависит от индивидуальных свойств лиц, которые принимают участие в следственном действии, их роли в расследовании и конкретном следственном действии,

жизненного и профессионального опыта. Поэтому следователь должен хорошо разбираться в психологии людей, владеть научными приемами воздействия на них, методикой диагностики их поведения и самоанализа.

Результатом такой целенаправленной деятельности является психологический контакт. Его рассматривают как специфическую форму взаимоотношений следователя с подозреваемым, свидетелем, потерпевшим и др. Такие отношения строятся, с одной стороны, на нормах уголовно-процессуального закона, а с другой — на научных рекомендациях криминалистики, юридической психологии, логики, теории управления деятельностью [2, с. 158].

В большинстве изученных источников внимание уделяется установлению психологического контакта следователя с участниками вербальных следственных действий (свидетелем, потерпевшим, подозреваемым и др.). Следует обратить внимание, что названные лица могут быть участниками и невербальных следственных действий. Установление и поддержание с ними психологического контакта имеет не меньшее значение, чем при производстве первых. Поэтому хотя и близким к ним, но более полным и точным можно считать определение психологического контакта, предложенное А. Н. Васильевым. Он обращал внимание на то, что такой контакт следователя с другими участниками следственных действий состоит в установлении отношений, характеризующихся точным и добросовестным выполнением всеми своих процессуальных и нравственных обязанностей, правильном использовании своих процессуальных прав, в результате чего создаются отношения и атмосфера, благоприятствующие решению задач данного следственного действия [3, с. 89]. Внимание акцентируется на точном и добросовестном исполнении процессуальных и моральных обязанностей всеми участниками следственного действия, в частности и следователем.

Как было отмечено, большинство авторов психологический контакт рассматривают применительно к вербальным следственным действиям и непосредственно — к допросу. Анализ отдельных учебников по криминалистике и уголовному процессу показывает, что данный вопрос не получил всестороннего рассмотрения. Так, в одном из них о психологическом контакте упоминается не прямо, а опосредованно, когда рассматривается тактика допроса свидетелей и потерпевших [4, с. 140].

Упоминание о необходимости установления психологического контакта в процессе допроса содержится и в других учебниках по криминалистике. В одном из них психологический контакт рассматривают как созда-

ние такой атмосферы, при которой допрашиваемый проникается уважением к следователю, пониманием его задач и обязанностей, исключает всякие личные мотивы в его действиях [5, с. 600].

Даже в «Криминалистической энциклопедии» установление психологического контакта раскрывается не в отдельной статье, а применительно к рассмотрению и характеристике допроса [6, с. 64].

Изложенное позволяет сделать вывод, что установление психологического контакта как система целенаправленных действий характерно не только вербальным следственным действиям, но и всей уголовно-процессуальной деятельности. Трудно представить предъявление для опознания или проверку показаний на месте без психологического контакта как с опознающим, так и с лицом, которое будут предъявлять для опознания. Опознающий не должен волноваться, быть уверенным в своей безопасности после того, как опознает лицо или иной объект. Отсутствие психологического контакта с лицом, которое предъявляют для опознания, может сорвать следственное действие.

Без установления психологического контакта трудно представить проверку показаний на месте или следственный эксперимент (особенно когда проведение опытных действий поручают лицу, показания которого проверяют). Следователь должен создавать соответствующую обстановку, ознакомить участников следственного действия с необходимой информацией, воздействовать на их сознание. Такая деятельность является ничем иным, как психологическим воздействием.

Психологическое воздействие обусловлено самой природой следственной деятельности. В процессе расследования следователь общается с различными людьми, которые владеют информацией о преступлении. Постановка человеку любого вопроса является способом передачи информации, которая воздействует на его сознание, психику, заставляет искать необходимый ответ. Психологическое воздействие является неотъемлемым и характерным элементом процесса общения людей, а поэтому в последнее время становится все меньше сторонников, которые относят его к незаконным методам расследования.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальный закон запрещает пытки, жестокое или унижающее достоинство обращение или наказание, угрозы, принуждение к действиям, которые унижают достоинство (ч. 2 ст. 11 УПК Украины). Подобные требования содержатся в ст. 12 УПК Республики Беларусь и в ст. 9 УПК РФ. Статья 373 УК Украины предусматривает уголовную ответственность за принуждение давать показания на до-

просе путем незаконных действий со стороны лица, которое проводит дознание или досудебное следствие. В комментарии к данной статье отмечается, что к незаконным действиям относятся шантаж, обман, гипноз, незаконное ограничение прав потерпевшего, его подкуп и др. [7].

К психологическому воздействию относят действия, которыеследователь осуществляет различными методами и приемами. Они направлены на диагностику психического состояния человека и изменение его поведения. По мнению А. Р. Ратинова, воздействие следователя на психику лиц, которые участвуют в деле, является элементом следственной тактики. Следователь постоянно влияет на людей своими властными предписаниями, воспитательными методами, процессуальными средствами принуждения. Без этого немислимо выполнение задач уголовного судопроизводства [8, с. 163].

Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу, что психологическое воздействие в уголовном производстве может быть правомерным и неправомерным (шантаж, угрозы), а поэтому и недопустимым в следственной деятельности. К недопустимым формам психологического воздействия относят:

1) угрозу применить насилие к допрашиваемому или близким ему лицам, изменить меру пресечения на более строгую, предать огласке сведения, позорящие допрашиваемого или близких ему лиц, и т. п.;

2) обман (демонстрация фальшивого постановления о заключении под стражу, неправдивое сообщение о том, что в отношении допрашиваемого имеются доказательства его вины и т. п.);

3) унижение личного достоинства допрашиваемого (оскорблением, которое осуществляется словами и жестами, и т. д.);

4) задабривание (неосуществимые обещания прекратить уголовное производство, освободить из-под стражи, незаконные поощрения: предоставление спиртного, наркотиков и т. п.);

5) иные методы психического воздействия (привлечение к допросу гипнотизеров, экстрасенсов и т. п.) [9, с. 461–462].

Авторы не только называют формы психологического воздействия, которые относятся к запрещенным (угроза, обман, унижение достоинства, задабривание), но и в общих чертах раскрывают их сущность. Подобное является вполне закономерным. В каждой конкретной ситуации формы психологического воздействия должны оцениваться именно с точки зрения их законности, дозволенности и допустимости. Угроза может быть вполне правомерной, а иногда специально предусмотрена законом.

Так, предупреждение об уголовной ответственности свидетеля за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний является ничем иным, как угрозой, и вполне реальной, а не надуманной. Она оказывает воздействие на допрашиваемого, стимулирует его пересмотреть избранную линию поведения под угрозой возможных нежелательных последствий. Однако такая угроза является правомерной, обязательной и предусмотренной действующим УПК.

Говоря о приемах психологического воздействия, которые могут быть неоднозначно оценены лицом, к которому обращены, необходимо коснуться отдельных их аспектов. Разрешение данного вопроса требует не абстрактного, а конкретного подхода. Очевидно, именно поэтому некоторые авторы пытаются показать, в чем именно может проявиться обман (демонстрация фальшивого документа об избрании меры пресечения содержание под стражей, неправдивое сообщение о том, что в отношении допрашиваемого имеются доказательства его вины, неосуществимые обещания прекратить уголовное производство, освободить из-под стражи и т. п.). Подобные приемы психологического воздействия могут встречаться в следственной практике, однако их нельзя назвать распространенными. Опытные следователи и оперативные работники тщательно подходят к выбору и применению соответствующих тактических приемов. Голословного заявления о наличии доказательств вины конкретного лица, как правило, недостаточно, чтобы убедить его изменить линию избранного поведения. С уверенностью можно сказать, что обман в такой форме может только осложнить ситуацию расследования, а поэтому является недопустимым как не отвечающий моральным требованиям, так и рекомендациям криминалистической тактики.

Однако обман можно рассматривать и в иной плоскости. Например, после задержания двух подозреваемых в совершении грабежа один из них дал развернутые показания о том, как встретился с товарищем и чем они занимались на протяжении дня до момента задержания. Причастность к грабежу категорически отрицал. Второй подозреваемый в ходе допроса пытался уклоняться от детализации отдельных обстоятельств, предшествовавших грабежу. Используя информацию, полученную от первого допрашиваемого, которая не вызывала сомнений в правдивости, следователь задавал уточняющие и детализирующие вопросы, казалось бы, о незначительных деталях, чем демонстрировал осведомленность о поведении подозреваемых. В отдельных местах допроса следователь зачитывал фрагменты показаний ранее допрошенного соучастника. Еще до установления и поло-

вины обстоятельств, которые предшествовали грабежу, допрашиваемый изъявил желание рассказать о преступлении и назвал место, где были спрятаны вещи потерпевшего.

Имеются ли в такой тактике элементы обмана? Ответ может быть только положительный. Тактические приемы были направлены на то, чтобы у допрашиваемого сформировалось преувеличенное (неправильное) представление об объеме информации, которой располагает следователь. В данном случае он ничего не обещал, не выдумывал, а только в определенном направлении использовал имеющуюся информацию. В этом усматривается правильно избранная следователем тактика допроса.

Однако встречается и иная оценка подобных тактических приемов. Так, М. С. Строгович отмечал, что нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное «формирование ошибочного представления у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это сделать более сложным способом — таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте: сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому они адресованы, ложь примет за правду, а правду — за ложь. А это есть обман, ложь, которая оттого, что она подана в особо хитрой форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный характер» [10, с. 20].

Если следовать подобным рассуждениям, замечает Р. С. Белкин, то обман можно усмотреть почти в каждом тактическом приеме, не говоря о тактических комбинациях, которые в литературе называют неудачными терминами «следственные хитрости», «психологические ловушки» [11, с. 12]. Именно тактические комбинации, как системы тактических приемов или следственных действий используют для разрешения наиболее сложных следственных ситуаций.

Современная преступность характеризуется не только количественными, но и качественными изменениями. Противодействие расследованию со стороны лиц, которые пытаются уклониться от ответственности, постоянно обостряется и приобретает новые формы, особенно в сфере деятельности организованной, коррумпированной преступности. Поэтому правоохранительные органы в своей работе не могут довольствоваться устаревшими методиками, тактическими приемами и рекомендациями. В то время, пока ученые дискутируют о целесообразности и правомерности применения психологического воздействия на участников уголовного производ-

ства, допустимости обмана в тактических приемах и комбинациях, на практике все это используют для разрешения конкретных следственных ситуаций. Опрос 370 следователей и работников оперативных подразделений органов внутренних дел показал, что около 80 % считают допустимым применение тактических приемов, основанных на обмане в следственной и 92 % в оперативно-розыскной деятельности. Опрашиваемые часто даже не задумываются над моральностью средств, которые использовали для решения задач расследования. Подтверждением этому являются опубликованные результаты опроса следователей прокуратуры и МВД Украины: 54 % применяли в своей деятельности методы незаконного воздействия. Из них угрозы — 14,7 %; обман — 29,8 %; введение в заблуждение о наличии доказательственной информации — 92,2 %; аморальные побуждения — 5,5 % [12, с. 54].

Из сказанного видно, что использование обмана в тактических приемах и комбинациях — распространенный способ преодоления противодействия расследованию. Поскольку это так, не стоит безапелляционно отказываться от тактических приемов и комбинаций, которые не раскрывают истинных намерений следователя в разрешении сложных следственных ситуаций.

Неоднозначное отношение к данному вопросу в определенной степени обусловлено отсутствием четкого его разрешения законодателем. Так, в ст. 11 УПК Украины речь идет о пытках, жестоком нечеловеческом обращении, которое унижает человеческое достоинство, или угрозах такого поведения. Об обмане в данной норме не упоминается. Насилие и угрозы являются ничем иным, как незаконными действиями. Видимо, поэтому в ст. 373 УК Украины речь идет о принуждении давать показания путем незаконных действий. Вместе с тем ни перечня таких действий, ни общего критерия для определения таковых не дается.

Следует заметить, что в ст. 12 УПК Республики Беларусь, ст. 9 УПК РФ и ст. 11 УПК Украины обман не упоминается. В них идет речь о насилии, действиях, унижающих честь участника судопроизводства либо создающих опасность для его жизни и здоровья. Маскировка своих намерений путем введения в заблуждение, что является сущностью криминалистической тактики, является ничем иным, как обманом. Обратившись к справочной литературе, видим, что обман — ложное представление о чем-нибудь, заблуждение, а обмануть — ввести в заблуждение, поступить недобросовестно по отношению к кому-нибудь или нарушить обещание [13, с. 392].

Из приведенного нами ранее примера видно, что следователь не прибегал к обещаниям, неправдивым словам и действиям. У допрашиваемого сформировалось ошибочное восприятие действительности и неправильная ее оценка. Можно ли это ставить в вину следователю, который исполнял свой профессиональный долг для обеспечения реализации требований закона о всестороннем, полном и объективном расследовании. У допрашиваемого лица была возможность выбора линии поведения на основе полученной информации, и он выбрал верное, по его мнению, решение.

Однако только такой путь использования информации для раскрытия преступлений не может удовлетворить практику. Для выявления преступных группировок и раскрытия совершенных ими преступлений необходимо разрабатывать и проводить сложные тактические комбинации. Именно их применение оказывает на противодействующую сторону психологическое воздействие, которое должно способствовать формированию у таких лиц неправильного представления об отдельных событиях, фактах и повлечь за этим совершение поспешных ошибочных действий, которые будут способствовать раскрытию преступления. Границы использования психологического воздействия определены в теории. По мнению большинства авторов, психологическое воздействие отличается от психологического насилия прежде всего наличием у лица, на которое оно направлено, свободного выбора личной позиции, а также условий для ее выбора и выражения [14, с. 165; 8, с. 164].

Дальнейшее исследование данной проблемы позволит определить, какой обман по форме подачи, содержанию информации и т. п. вообще является недопустимым к применению в правоохранительной деятельности. Вместе с тем будут разрабатываться новые и совершенствоваться традиционные тактические приемы и комбинации психологического воздействия на противодействующую расследованию сторону.

Список основных источников

1. Быховский, И. Е. Об актуальных вопросах совершенствования процессуальной регламентации следственных действий / И. Е. Быховский // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. – Ташкент, 1982. – С. 3–11. [Вернуться к статье](#)
2. Лукашевич, В. Г. Криминалистическая теория общения: постановка проблемы, методика исследования, перспективы использования / В. Г. Лукашевич. – Киев : Изд-во УАВД, 1993. 194 с. [Вернуться к статье](#)
3. Васильев, А. Н. Следственная тактика / А. Н. Васильев. – М. : Юридическая литература, 1976. – 200 с. [Вернуться к статье](#)

4. Андреев, И. С. Криминалистика : учеб. пособие для студ. вузов / И. С. Андреев, Г. И. Грамович, Н. И. Порубов ; под ред. Н. И. Порубова.. – Минск : Высш. шк., 1997. – 344 с. [Вернуться к статье](#)
5. Криминалистика. Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Р. С. Белкина. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА·М, 1999. – 990 с. [Вернуться к статье](#)
6. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. – М. : Изд-во БЕК, 1997. – 342 с. [Вернуться к статье](#)
7. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України від 5 квітня 2001 року / за ред М. І. Мельника, М. І. Хавронюка. – К. : Каннон : А.С.К., 2001. – 936 с. [Вернуться к статье](#)
8. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей / А. Р. Ратинов. – М., 1967. – 290 с. [Вернуться к статье](#)
9. Кримінальне право. Особлива частина : підручник. – К. : НАВСУ : Правові джерела, 1998. – 896 с. [Вернуться к статье](#)
10. Строгович, М. С. Проблемы судебной этики / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1974. – 272 с. [Вернуться к статье](#)
11. Белкин, Р. С. Нравственные начала деятельности следователя органов внутренних дел / Р. С. Белкин. – М., 1999. – 24 с. [Вернуться к статье](#)
12. Шепитько, В. Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике / В. Ю. Шепитько. – Харьков : Оригинал, 1995. – 200 с. [Вернуться к статье](#)
13. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Изд. 10-е, стереотип.. – М. : Сов. энциклопедия, 1973. – 692 с. [Вернуться к статье](#)
14. Дулов, А. В. Судебная психология / А. В. Дулов. – Минск : Высш. шк., 1975. – 462 с. [Вернуться к статье](#)